

Н. М. Сатин

Отрывки из "Воспоминаний"

В. Г. Белинский в воспоминаниях современников

Вступит. статья К. И. Тюнькина. Примеч. А. А. Козловского и К. И. Тюнькина. М., "Худож. лит.", 1977.

Серия литературных мемуаров.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Одно воспоминание влечет за собою другие. Говоря о Соколовском, я упомянул, что весь 1837 год я провел на Кавказе: лето на водах, а осень и зиму в Ставрополе. Этот год был замечателен разными встречами. Начнем с Белинского и Лермонтова. Ив. Ив. Панаев в своих "Литературных воспоминаниях" говорит, что Белинский и Лермонтов познакомились в Петербурге, у г. Краевского, в то время, когда Белинский принимал деятельное участие в издании "Отечественных записок", то есть в 1839 или 1840 году¹. Это несправедливо. Они познакомились в 1837 году, в Пятигорске, у меня. Сошлись и разошлись они тогда вовсе не симпатично. Белинский, впоследствии столь высоко ценивший Лермонтова, не раз подсмеивался сам над собой, говоря, что он тогда не *раскусил* Лермонтова.

Летом 1837 года я жил в Пятигорске, больной, почти без движения от ревматических болей в ногах. Туда же и тогда же приехали Белинский и Лермонтов; первый -- из Москвы, лечиться; второй -- из Нижегородского полка, повеселиться².

С Белинским я не был знаком прежде, но он привез мне из Москвы письмо от нашего общего приятеля Кетчера, на этом основании мы скоро сблизились, и Белинский навещал меня ежедневно. С Лермонтовым мы встретились как старые товарищи. Мы были с ним вместе в Московском университетском пансионе, но в 1831 году, после преобразования пансиона в Дворянский институт (когда-нибудь поговорим и об этом замечательном факте) и введения в него *розог*, вместе и оставили его³. Лермонтов тотчас же вступил в Московский университет и прямо наткнулся на историю профессора Малова, вследствие которой был исключен из университета и поступил в юнкерскую школ⁴. Я поступил в университет только на следующий год. На пороге школьной жизни мы расстались с Лермонтовым холодно и скоро забыли друг о друге. Вообще в пансионе товарищи не любили Лермонтова за его склонность подтрунивать и надоедать: "пристанет, так не отстанет", говорили об нем. Замечательно, что эта юношеская склонность привела его и к последней трагической дуэли!

В 1837 году мы встретились уже молодыми людьми, и, разумеется, школьные неудовольствия были взаимно забыты. Я сказал, что был серьезно болен и почти недвижим; Лермонтов, напротив, пользовался всем здоровьем и вел светскую, рассеянную жизнь. Он был знаком со всем *водяным* обществом (тогда очень многочисленным), участвовал на всех обедах, пикниках и праздниках. Такая, по-видимому, пустая жизнь не пропадала, впрочем, для него даром: он писал тогда свою "Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями⁵. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера⁶.

Майер был доктором при штабе генерала Вельяминова. Это был замечательно умный и образованный человек; тем не менее он тоже не раскусил Лермонтова. Лермонтов снял с него портрет поразительно верный, но умный Майер обиделся, и, когда "Княжна Мери" была напечатана, он писал ко мне о Лермонтове: "*Pauvre sire, pauvre talent*" {"Ничтожный человек, ничтожный талант!" (*франц.*)}.

Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеиваясь над своими *любвями* и волокитствами.

В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба -- уроженцы города Чембара (Пензенской губернии)⁷.

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистывая, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать разными